

КЛАНОВСКАЯ М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КЛАНОВСКАЯ Мария. Проживала в Москве, верующая, служила делопроизводителем церковно-приходского совета Сокольнической церкви, оказывала помощь высланному в Сибирь митрополиту Петру (Полянскому). В январе 1928 — арестована, затем освобождена с ограничением проживания на 3 года, должна была выехать в Малый Ярославец. В январе 1928 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<27 января 1928>

«Екатерина Павловне Пешковой.

К Вам, Екатерина Павловна, обращаюсь персонально со скромной, но твердой просьбой: в срочном порядке принять меры к тому, чтобы я получила возможность остаться в Москве еще на 6-7 дней без выезда в Малый Ярославец, что обязана сделать, как высланная "минус шесть" за посылку небольшой суммы денег, грибов и сушеных овощей сосланному на глубокий Север митрополиту Петру.

Этот краткий срок мне крайне необходим для приведения в порядок своих дел, дел моей матери, а также старухи-тетки (больной и живущей со мной в одной комнате и на моей площади, которая будет выброшена после моего отъезда), наконец, по делам несовершеннолетней сестры моей, которая также состоит на моем иждивении.

Мое недолгое пребывание в эти шесть дней не способно повлиять на кого бы то ни было, кроме перечисленных лиц, а я имею право на подобную льготу и отсрочку потому, что из предоставленного мне любезно тов<арием> КАТАНЬЯНОМ срока, более 3-4 дней, прошли в беготне и разрешении недоразумения: меня упорно старались выбросить еще 23 января из моей квартиры представители домового комитета, жаждущие получить жилплощадь.

Вот перед Вами грустная действительность: в погоне за комнатой процветание доноса, полная вера в честность нападающих и такое же неверие в искренность оправдывающегося и, наконец, такая кара, как высылка за пределы Москвы на целых 3 года за доброе (при том открытое) чувство благотворения и бескорыстия.

Политическому Красному Кресту я посылаю через сестру то, что может служить поводом для возбуждения Вами ходатайства о пересмотре дела. Но на содействие Креста я рассчитываю с трудом. Вас же я прошу отдельно и не подумайте, что ради меня, а хотя бы ради простого укрепления престижа Соввласти, органы которой меня хотят уверить всяческими способами, что я их ненавижу и что я — опасный человек, в смысле контрреволюции. А я в то же время решительно доказываю, что не только лояльна, но сторонница нового строя — так вот для престижа самой власти в тысячу раз ценнее обойтись со мной по-человечески.

Как самая мера высылки, так и обстановка ее применения, делаясь известной в публике, естественно будет вызывать у всех недоумение. Потому, что никого, да и Вас, я думаю в особенности, не удовлетворило бы объяснение, даваемое представителями ГПУ (так, например, тов<арием> ТУЧКОВ) или юстиции (как КАТАНЬЯН и МАЛИНИН) будто, оказывая помощь ссыльному, я совершала политически незаконный акт.

Борьба между различными течениями в духовенстве (особенно в высшем) из-за первенства приняла уродливо чудовищные размеры и характер, разделив церковников на партии, причем, в этот водоворот механически вовлекаются и миряне. Но прошу Вас поверить, что я всегда была далекой от участия в каких бы то ни было проявлениях борьбы и тем более от сочувствия ей: всецело занятая семьей и суетливыми

обязанностями делопроизводителя церковно-приходского совета при Сокольнической церкви, я не выходила за пределы добросовестного исполнения раз принятых на себя обязанностей.

И перед тем, как мне отправиться в город, где никого нет знакомого, и где меня ждет, конечно, печальная неизвестность, я имею право рассчитывать хоть на некоторое внимание к простой просьбе перед ГПУ: дать маленькую отсрочку для устройства практических дел, не имея ввиду по своему скромному положению создавать из этого какую-либо демонстрацию.

Обидная, незаслуженная мера эта, вдвойне тягостная потому, что на мою комнату хищнически накидываются такие лица, которые ничего общего с партией не должны бы иметь — могла бы иметь оправдания, если бы я могла рассчитывать на пересмотр дела и внимание к человеку, не имеющего жизненного опыта и посторонней помощи.

Вот почему я пишу Вам в уверенности, что Вы сделаете все возможное для этого необыкновенного случая.

Во всяком случае, надеюсь, что Вы не посетуете на меня, Екатерина Павловна, за это непосредственное обращение к Вам, оно вызвано крайне тяжкими обстоятельствами.

Мария Клановская.

27/1-28 г»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 333. С. 64-65. Машинопись, подпись — автограф.